

Продолжаем публикацию материалов, посвященных культурному наследию полиэтничного региона. В настоящем разделе публикуются материалы в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно – педагогические кадры инновационной России» (на 2009–2013 гг.) проекта Астраханского государственного университета «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе» (02.740.11.0593). Данный проект призван восполнить утраченное, возродить надежду на сохранение связующей нити между настоящим и прошлым.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Л.В. Баева
(Россия, г. Астрахань)¹

В статье представлена концепция философской регионалистики как раздела истории философии, обращенного к изучению интеллектуального наследия определенного региона для формирования осознания места и роли современной личности в единой системе становления и развития духовной традиции. Автор формулирует принципы и методы философской регионалистики, показывает ее связь с исторической антропологией.

In this article the conception of philosophical region study is presented as a part of philosophy which is attended to research the intellectual heritage of the definite region to form the understanding of the place and the role of modern person in the united system of foundation and development of the spiritual tradition. The author formulates the principles and methods of philosophical region study, shows its connection with historical anthropology.

Ключевые слова: философская регионалистика, культурное наследие, антропология, гуманизм, аксиология.

Key words: philosophical region study, cultural heritage, anthropology, humanism, axiology.

Философские проблемы относятся к разряду вневременных и внепространственных в силу своей предельной общности, универсальности. Однако это не означает, что за их решением стоит некий «трансцендентный субъект», свободный от конкретно-исторических и индивидуально-личностных особенностей. Суть философии не только в ее предельной обобщенности, но и в укорененности в субъекте, неотрывности от мировоззренческой уникальности, которая, в свою очередь, во многом зависит от личности ее автора и окружающей его эпохи. Дух той или иной эпохи, ее идеалы, ценности, устремления кристаллизуются в теоретических концепциях живущих в ней мыслителей, составляющих основание духовной культуры. Изучение культурного наследия рассматривается в связи с проблемой сохранения высших достижений прошлых поколений для живущих сегодня и для их потомков. Однако и саму философию можно рассматривать как важнейшую составную часть этого наследия, имеющую характер фундаментального теоретического основания. В связи с этим мы представляем концепцию философской регионалистики как раздела истории философии, обращенного к изучению интеллектуальной традиции определенного региона,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта ФЦП, проект «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2010–2013 гг.» № 02.740.11.0593.

имеющего связь как с развитием духовной культуры края, так и с политическими, социальными, экономическими процессами.

Региональный подход в истории философии не противоречит пониманию ее как единого процесса интеллектуального самосознания человечества. Если использовать терминологию Гегеля и его последователей, то эту связь можно выразить как диалектику Мирового духа и конкретно-исторического самосознания того или иного народа. Философствование как интеллектуально-личностная реконструкция себя и мира в рационально-этических формах имеет как общие глобальные черты, так и уникальную локальную специфику. Задача философской регионалистики заключается в изучении и сохранении уникального интеллектуального наследия края для формирования самосознания, понимания места и роли современной личности в единой системе становления и развития духовной традиции. Подобное исследование при этом оказывается связанным с преодолением такого затруднения, как фрагментарность интеллектуальной традиции, ее прерывистость во времени и пространстве. Носители Духа, теоретически мыслящие субъекты являются, прежде всего, личностями и лишь затем – представителями тех или иных общностей. Их творчество часто не связано между собой и представляет отдельные всплески, вспышки света, нити, сплетение которых не всегда можно увидеть. Однако эта связь незримо присутствует, соединяя всех размышляющих над экзистенциальными вопросами индивидуального или общественного бытия, выступающих выразителями Идеи о сущем.

Культурное своеобразие тех или иных регионов не вызывает сомнений, как и вопрос о необходимости его изучения и сохранения. Но вершиной развития любой культуры становится философия, свидетельствующая о пробуждении самосознания, абстрактного мышления, вхождении в «осевое время». Но не каждый народ имеет развитую философскую традицию, поэтому уместно ли говорить о том, что на это может претендовать отдельный регион? Мы полагаем, что это не только возможно, но чрезвычайно важно. Даже если речь идет не о всесторонних философских системах, а о философских идеях в творчестве тех или иных деятелей, их изучение имеет собственную ценность, поскольку позволяет увидеть все пространство интеллектуального движения, а не только его лучшие плоды. История любит победителей, удача и стечение обстоятельств нередко бывают причиной того, что одна яркая личность оставляет в стороне других, менее амбициозных и «модных» для своей эпохи. Однако нередко примеры, когда не услышанный в свое время мыслитель становится чрезвычайно востребованным и актуальным для «дня послезавтрашнего». Восстановление же этой исторической справедливости связано, прежде всего, с сохранением самих идей, которые, к сожалению, часто погибают в неизвестности, как и их создатели. Незнание истории трагично как для философа, так и для обычного человека вообще. По словам профессора Оксфорда Н. Уорбартона, «без знания истории философии для философов невозможен прогресс: они могут совершать ошибки, которых могли бы избежать» [7, с. 3].

Мы предлагаем подход к изучению собственного регионального наследия для выявления тех начал, ростков и лучших достижений духовной и интеллектуальной традиции, которые так или иначе являются частью всемирной истории идей, ценностей, мировоззрений для того, чтобы представить современникам возможность увидеть в историческом прошлом своего региона членов единого философского сообщества, частью которого является и мы сами.

Принципами философской регионалистики мы считаем следующие: 1) *гуманизм, антропологизм* – понимание истории как истории личностей, обладающих своеобразием духа, интеллекта, мировоззрения, творчество которых формирует все пространство культуры; 2) *историзм* – выявление исторических связей между творчеством теоретически мыслящих личностей, становления единой научной школы, традиции, направления или совокупности таковых, а также рассмотрение отдельных философских конструкций в конкретно-исторических условиях; 3) *критичность*, то есть изучение философских идей прошлого (и настоящего) с позиции общеполитического метода сомнения, позволяющего проведение процедуры критического анализа тео-

рий для выявления прочности их аргументации. Критичность не означает обязательной фаллибилизации, признания ошибочности любых теорий, но позволяет продолжать обсуждение этих идей, их апробацию в современной эпохе; 4) *демократизм, принцип равноправия идей и их авторов* – рассмотрение не социального статуса тех или иных личностей, а их теоретического и духовного наследия, вклада в мировую и региональную культуру; 5) *аксиологизм*, отнесение к ценности – принцип, предполагающий выявление нового смысло-значимого содержимого в исследуемой теории (идее), обогащающего свою эпоху или культуру в целом.

Специфика методологии философской регионалистики заключается в единстве антиномичных методов, дополняющих возможности друг друга. Эта методология включает: 1) единство исторического и логического; 2) единство индуктивного и дедуктивного; 3) единство эмпирического и рационального; 4) единство субъективного и объективного; 5) единство всеобщего-особенного-единичного; 6) единство хроники и интерпретации; 7) единство фундаментальности и прикладного характера исследования.

Сочетание методов позволяет достигнуть двуединого результата: воссоздать конкретно-исторический путь становления и развития философской традиции в крае и выявить сущность смыслов и ценностей, выработанных мыслителями прошлого (и настоящего, если продолжить данный анализ применительно к современности).

Заслуга историка – в преодолении забвения, а следовательно, по образному выражению Н. Бердяева, борьба с тленом и смертью. Заслуга историка философии – в возвращении ушедших мыслителей в круг современного философского сообщества, позволяющий продолжить диалог и преодолеть границы, отведенные человеку телесностью, физической жизнью. Заслуга историка-региноведа от философии – в осознании временной взаимосвязи мыслителей прошлого и настоящего в рамках единого культурно-исторического локуса. Место, где происходит рождение идеи, локус, может быть осмыслено как некое пространство освоенное мыслителем, которое заполняется идеей, собирается, концентрируется вокруг нее.

Французский мыслитель Пьер Нора предложил понятие «места памяти», *lieux de mémoire*, представления о прошлом, в котором оживают его наиболее важные значимые для современников страницы. Он проводит разграничение и даже противопоставление таких понятий как «история» и «память»: «Память, история. Мы отдаем себе отчет в том, что все противопоставляет друг другу эти понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [6, с. 20]. Нора убеждает читателя, что история принадлежит всем и никому, это делает универсальность ее призванием. Память же, по его мысли, укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте; история не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей; память же есть абсолют, в то время как история знает только относительное.

Позволим себе продолжить эту мысль. Историческая реконструкция стремится к объективности, непредвзятости, что либо превращает ее в хронологию и политэкономии, либо воплощает одну господствующую модель интерпретации. Историческая память всегда субъектна и не скрывает этого, как философия и философствование она личностна, уникальна. Она выступает формой вневременной связи, единения духа живущих и ушедших, переживания того, что было некогда значимо и оказывается значимым и теперь.

Пьер Нора полагал, что памятью обладают именно сообщества, что предполагает глубокое изменение места индивидов в обществе и их отношения к коллективу: здесь

секрет загадочного, вызывающего к объяснению успеха еще одной идеи, а именно идеи идентичности, без которой невозможно понять theupsurgeof memory – рост памяти [6].

Идентичность, понимаемая не как исключительность, уникальность субъекта, а напротив, как его принадлежность к общности, формирует то, что можно назвать «коллективной памятью», «национальной памятью», «памятью групп». Эта память избирательна, она удерживает фрагменты прошлого, которые актуальны для современников той или иной формы общности. Она не претендует на полноту и всесторонность, но она наполнена жизнью, эмоциями, эмпатией, способностью чувствовать время, «вслушиваться» в него (термин М. Хайдеггера как нельзя лучше подходит для этого описания). Можно говорить о том, что в рассматриваемой нами философской регионалистике осуществляется еще одно методологическое единство: единство индивидуального и коллективного, личного и научного.

Эта специфика указывает на принадлежность данной теории к разряду антропологических концепций, поскольку ее объектом и субъектом выступают индивидуальные человеческие сознания – сознания, обладающие теоретическим типом мышления и способностью продуцировать идеи.

Философская регионалистика антропологична, как и сама философия, и ее методы познания отличаются от исторической науки. В философском познании всегда сохраняется значительная часть субъективности, высокой роли интерпретации, индивидуального понимания «исторического времени», специфики личной «памяти» истории. Применение антропологического и философского видения требует своего обоснования. Обратимся к наметившейся в философии традиции изучения вопроса о правомерности антропологизации истории.

Одним из первых в отечественной социальной философии эту проблему исследовал Н. Кареев, называвший философию истории «судом над историей». Он подчеркивал, что объективизм, «индифферентизм», апатия не подходят для обозначения принципов философско-исторического анализа. Как любой человек, философ всегда будет пристрастным, но не в пользу личной выгоды, а в пользу общего блага: «Следователю подобает беспристрастие, но судья не должен быть беспристрастным к закону, праву, справедливости и не может объявить безразличным то, что попало закон, нарушило право, оскорбило чувство справедливости» [2, с. 17]. Поэтому задачей истории является не «пассивное воспроизведение прошлого», а его понимание и оценка. Критерием исследования, по мнению Н. Кареева, может служить единственная мера – прогресс, то есть получение большего блага через наименьшие жертвы. К сожалению, идеи Н. Кареева были надолго забыты в отечественной философии, и поэтому их возрождение сегодня стало чрезвычайно актуальным.

По мнению теоретика истории конца XX в., А.С. Панарина, «философский смысл антропологического измерения истории состоял в том, чтобы выявить зависимость между "качеством" человеческого материала и духовными параметрами бытия», а также обосновать «различия исторических судеб народов "инаковостью" биосоциальных ядер этнических культур, их суверенностью и автономностью по отношению друг к другу, несводимостью к единому знаменателю или тождеству в виде "производительных сил" или "законов классовой борьбы", в целом, социально-экономической детерминированности исторического процесса» [3, с. 235]. Понимание истории как науки о человеке с позиции человека позволяет увидеть в ней не только политэкономия или перечень фактов, но осознать индивидуальность каждого народа, эпохи, культуры от своего собственного имени, принимая личную ответственность за эту позицию. Стремление к объективности и беспристрастности в исследовании истории является задачей каждого ученого, но, как справедливо отмечает другой современный философ истории, И.А. Гобозов, каждый историк еще человек и гражданин, «которому вовсе не безразлично, что происходит в обществе, в котором он живет» [4, с. 191]. Вопрос, однако, в том, как относиться в этой оценочности исследователя: считать ли ее помехой, которой не избежать, или рассматривать ее как нечто значимое?

В отличие от научной традиции в философии истории, французская школа Анналов, например, в лице своих знаменитых теоретиков Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, П. Шоню, Ж. Дюби и др., утверждает правомерность и необходимость для исторического знания субъективного видения исторических эпох или общественных образований. Английский философ Дж. Коллингвуд полагал, что идея истории «принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания» [5, с. 237], а следовательно, интерпретация внутренне присуща историческому исследованию. Большинство историков, вероятно, не согласятся с этим подходом, в то время как в философии истории он давно признан как единственно возможный. Еще Г. Зиммель отмечал, что «субъективное воспроизводство, в котором и состоит всякое понимание истории, возможно для нас лишь там, где непосредственно за рядом внешних поступков ставятся ряд мыслей, желаний и чувств», но такое познание невозможно заключить в круг научных представлений, так как оно стоит «вне альтернативы истинного и ложного» [6, с. 253]. Субъективность представляется излишней с точки зрения научного рационализма, в то время как в философии, понимаемой в качестве особой формы миропонимания, она является самоценной, так как благодаря ее выражению осуществляется индивидуальность свободного творчества. Изучение коллективных переживаний, общественной психологии, феноменологический анализ становятся важнейшими ступенями исторического познания, ведущими исследователя к пониманию всей полноты жизни того или иного типа общества. Необходимость применения таких методов в отечественной науке впервые в постсоветский период отстаивалась А.Я. Гуревичем и М.А. Баргом, но, несмотря на значительные перемены в социальной философии и философии истории, их утверждение еще остается проблематичным. Анализ «атмосферы», «духа» той или иной эпохи, ментальности или коллективного сознания отдельных народов требует не только описания исторических фактов, но и поиска их смысла, значения в судьбе конкретного общества, предполагает поиск внутренних, не лежащих на поверхности устремлений тех или иных народов. Это затрудняется, во-первых, тем, что в отечественной истории в советский период такая традиция практически не развивалась, и исследования в этой области были яркими исключениями из общего правила написания социально-экономической истории. Поэтому не сложилось и создание собственной феноменологической школы истории, не были разработаны специальные методы изучения исторических документов, фольклора, литературы, искусства народов с позиции выявления особенностей мировоззрения, ценностных приоритетов, нравов, убеждений и поведения. Во-вторых, изучение нематериальной сферы в науке традиционно рассматривается как область, в значительной степени зависящая от мировоззрения самого исследователя и, следовательно, «искажающая» историческую реальность. Субъективность, оценочность, интерпретационность отвергались не только историческим материализмом. Сегодня они также вызывают недоверие, но уже тем, что могут привести к созданию новых монистических доктрин, догматических моделей, сковывающих историческое познание своими рамками. Но, несмотря на все сложности, комплексный метод изучения социальной и исторической реальности становится все более актуальным и соответствует потребностям постнеклассической эпохи, переживаемой современным человечеством.

Таким образом, мы можем заключить, что такое направление, как философская регионалистика, выступает не только обоснованным, возможным, но и во многом актуальным и чрезвычайно плодотворным, ценным для сохранения уникального творческого духовного наследия предков и для современников, которые, посвящая свои труды истории идей, сами становятся ее частью, устремленной в будущее.

Библиографический список

1. *Гобозов, И. А.* Философия истории: проблемы и перспективы / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 1997. – № 2.
2. *Зиммель, Г.* Проблемы философии истории / Г. Зиммель // Философия и общество. – 1997. – № 1.

3. *Кареев, Н.* Суд над историей. Нечто о философии истории / Н. Кареев // Рубеж. – 1991. – № 1.
4. *Коллингвуд, Дж.* Идея истории : автобиография / Дж. Коллингвуд. – М., 1980.
5. *Нора, П.* Франция. Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999.
6. *Философия* истории / под ред. А. С. Панарина. – М., 1999.
7. *Warburton, N.* Philosophy: the Basics / N. Warburton. – L. – N.-Y. : Routledge, 2006.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФЕНОМЕН ПОЛИЭТНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

А.П. Романова, Е.Н. Шандер
(Россия, г. Астрахань)

В статье раскрывается понятие «корпоративная культура» в аспекте развития современных университетов. Дается историческое обоснование возможности использования термина «корпорация» применительно к университетам. Определяются базовые элементы политики регионального университета как культуuroобразующего феномена в рыночной системе.

A notion of corporative culture in the aspect of development of modern universities is open in the article. The historical basis of the possibility of using the term 'corporation' applying to universities is given. Basic elements of politics of a regional university as a culture forming phenomenon in the market system are determined.

Ключевые слова: *корпоративная культура, философия университета, корпорация, университет, рынок, региональный университет.*

Key words: *corporative culture, university philosophy, corporation, university, market, regional university.*

Культура современного мира чрезвычайно сложна и многогранна. Процессы интеграции, глобализации с появлением единого информационного пространства выявляют новые стержневые элементы в формировании современной культуры. Одним из таких элементов выступает корпоративная культура крупных регионообразующих корпораций.

В современном обществе понятие корпоративной культуры чаще всего используется для анализа системы управления крупной промышленной корпорацией или организацией. Недаром термины «организационная культура» и «корпоративная культура» часто употребляются как синонимы, хотя далеко не все авторы с этим согласны [12, с. 7–25].

В последнее время все чаще понятие корпоративной культуры стало употребляться в связи с исследованиями путей развития современных университетов [12, с. 7]. Это вызывает некоторое внутреннее сопротивление университетских работников, выросших еще в советское время и воспитанных на другой философии университета. Классический российский университет представлял собой онтологически некое незыблемое, фундаментальное начало, гносеологически – систему развития, приумножения, хранения и передачи фундаментального знания, социально-государственную структуру, институт, находящийся полностью на государственном содержании, аксиологически – систему высоких нравственных и духовных ценностей, ретранслятором которых он являлся. Незыблемость онтологического статуса российского университета была для его выпускников самоочевидной, а его философия, не будучи материализованной в специальный университетский кодекс, воспринималась как нечто имманентно ему присущее, выраженное в статусе профессуры и самих студентов, принадлежавших к той или иной *alma mater*, в мифах, традициях, факультетских ритуалах, в основном неофициального характера. Считалось, что вы-